

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

107

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 107

TRIMESTRIEL

I . 1973

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ПРЕОСВЯЩЕННОГО АФАНАСИЯ САХАРОВА

(1887 - 1962)

*Владыка Афанасий оставил краткую рукопись — „Даты и этапы моей жизни“ *). Сухой, но потрясающий перечень событий страдальческой жизни этого мягкого сердцем, но твердого духом и верного до смерти христианина говорит сам за себя. Но хотелось бы собрать и на нитку этого перечня нанизать то немногое, что сохранилось в памяти близких покойного владыки и в его письмах.*

Господи, благослови!

Родитель владыки Григорий Сахаров, суздальский уроженец, был человеком интеллигентным, как и вся его родня (Астровы, Челищевы в Москве, Соловьевы во Владимире) чиновником, но женился на склоне лет на простой крестьянке Матрене Андреевне из деревни Орехово Тульской губернии.

Супруги Сахаровы, живя в любви и согласии, оба отличались благочестием и преданностью Св. Церкви, а вместе с тем и особой добротой и отзывчивостью к людям. Уже на склоне лет владыка писал одной молоденькой духовной своей дочери (27/1-59 г.) «когда христианские родители, исполняя завет Христа, помогают чужим, отнимая нечто у детей, все это отнятое сугубо возвратится детям. Утверждаю это, ибо знаю по собственному опыту. Я не помню своего отца, но все знавшие его, с кем приходилось встречаться, всегда отзывались о нем, как о человеке очень добром, отзывчивом, готовом всякому помочь и добрым советом, и личной услугой, и материально. Запасных средств у него никогда не было.

*) Эта рукопись была напечатана в *Вестнике РСХД* № 81. См. так же в № 106 письмо Владыки о каноничности Московской патриархии.

Когда родился я, мама говорила ему, что теперь надо быть по-экономнее. Но отец отвечал: «Теперь я помогаю людям, а когда у Сережи будет нужда, найдутся люди, которые ему помогут». И это точно сбылось на мне. Мне приходилось бывать в очень тяжелых условиях, и всегда находились добрые люди, которые заботились обо мне, устраивали меня, помогали мне. Верю, что это только за добрые дела моего отца».

Владыка Афанасий унаследовал такую же отзывчивость. Вступление его на святительскую кафедру пришлось на тяжелые годы, когда русским людям материально жилось очень нелегко, но и в эти трудные времена у него всегда «застолье» — члены причта и другие близкие люди. Он куска не съедал один. Бывало мать, жалея его, принесет ему в комнату яблочко или какой другой лакомый кусочек, желая подкормить сына, а он вынесет все к столу, где и раздаст всем поровну, хоть по крошечке... И позднее в ссылках и лагерях, получая посылки, владыка постоянно делился с окружающими. Матушка его Матрена Андреевна только едва управится послать ему сапоги, а, глядишь, он уже отдал их собрату, направленному в этап. Матрена Андреевна огорчится, а Господь ее тут же утешит: кто-то позаботится — и владыке послали новые сапоги, лучше прежних. Такая любвеобильность и щедрость невольно привлекали и привязывали к Владыке сердца окружающих, где бы он ни был, и увеличивали впоследствии число его «заботников». Даже уголовники в лагерях уважали его, и слух о нем, как о «настоящем архиерее» распространялся за пределы того отделения лагеря, где он находился (Темниковские лагеря).

Когда Господь порадовал чету Сахаровых рождением сына, имя ему было выбрано несколько необычным образом. Отец написал на маленьких бумажках имена особенно чтимых им угодников Божиих (кажется, святителя Николая, преп. Сергия и, если не ошибаюсь, Владимирского чудотворца блгв. Александра Невского), а потом поднесли их крошке сыну с тем, чтобы он сам «выбрал» себе имя. Новорожденный ухватился пальчиками за жребий с именем преподобного Сергия. Он на всю жизнь остался усердным читателем этого великого молитвенника Русской земли (очень желал даже в монашестве сохранить его имя, но академическое начальство в лице преосв. Феодора Поздеевского, ректора, на это не согласилось и, так как постригаемый настаивал, временно отложило его постриг).

Недолго Григорию Сахарову пришлось утешаться сыном. Он скончался едва Сереже исполнился год и семь месяцев. Умирая

он сказал жене: «Мотя, прошу тебя, воспитай мальчика хоть бедным, но честным!»

И Матрена Андреевна оказалась мудрой и строгой воспитательницей. Ее горячая любовь к единственному сыну не превратилась, как часто бывает у молодых вдов, в обожание и баловство, хотя она всю себя посвятила своему Сереже, до самой его ссылки никогда с ним не разлучалась, всегда сопровождая его во все годы его учения и преподавания.

Верующая и внимательная мать оберегала сына от всего дурного и желала в будущем видеть его монахом. Мальчик в основном знал только дом да храм. Иногда гостил у своей крестной — врача Марии Исаевны Виноградовой-Лукирской — в ее именье в Тамбовской губернии.

Живя под крылышком матери-вдовы, постоянно в женском обществе, мальчик выучился шить и вышивать бисером и даже любил этим заниматься, а впоследствии в ссылке шил себе облачение и вышивал бисером ризы на иконы. (Его и похоронили в облачении собственной работы).

В Церковь Сережа ходил охотно. Богослужение, в особенности архиерейское, производило на него большое впечатление. Дома он любил играть в «церковь», в службу, т. е. одевать на себя платки в виде облачения, кадить, благословлять и т. д. Он даже пытался шить себе «облачения». На вопрос своей вышеупомянутой крестной: — «Сережа, кем ты хочешь быть? Хочешь быть врачом?» (она была врач), он ответил: — «Нет, мама крестная, я буду архиереем».

Родную мать Сережа очень любил, и в годы тяжелых испытаний в невольной разлуке сильно тосковал по ней. Отца не помнил, но видно от обоих родителей унаследовал ту прямоту и принципиальность, которые пронес сквозь всю свою многострадальную жизнь, и ту любовь к св. Церкви и родине, которою горело и болело его сердце, пока не перестало биться.

Желая направить сына на добрый путь, Матрена Андреевна стремилась дать ему духовное образование. Это было нелегкое дело, потому что в духовные училища принимались почти исключительно дети священнослужителей. Во Владимирское духовное училище Сережу устроить не удалось. Но Господь все же помог молодой вдове в добром ее намерении. Она жила на квартире у родственника своего мужа, служащего казенной палаты, Сергея Васильевича Соловьева. Он был старостой Спасской церкви во Владимире, а его брат, о. Иоанн Соловьев в Иваново-Вознесенске

был настоятелем собора и благочинным, заслуженным и влиятельным протоиереем (в городе, не имевшем архиерейской кафедры влияние соборного настоятеля почти равнялось влиянию епископа). С его помощью удалось поместить Сережу в Шуйское Духовное училище. На годы учения сына в Шую переехала и Матрена Андреевна. Таким образом Сережа Сахаров живущим в училище никогда не был и всегда находился под материнским присмотром, ограждавшим его от влияния товарищей, которое в тогдашней духовной школе не всегда могло быть хорошим. Сережа поступил в училище в 1896 г., в 9-ти-летнем возрасте. Повидимому на первых порах учение ему давалось не совсем легко, — в 3-м классе остался он на второй год. С августа 1899 г., когда ему исполнилось 12 лет (в III-м классе) он начал прислуживать в алтаре. 14-ти лет, в 1902 г., Сережа окончил духовное училище и вместе с матерью вернулся во Владимир, поступив в тамошнюю духовную семинарию.

Владимирскую епархию возглавлял в то время (с 1906 по 1914 гг.) преосвященный Николай (Налимов). Прежде того он проходил архипастырское служение на Кавказе, но когда среди туземного населения возникло возбуждение против русской администрации (1906), начались убийства русских людей, владыка Николай имел основание опасаться за свою жизнь, убоился и тайно уехал в Россию. Синод перевел его в г. Владимир, а Владимирского владыку Никона сделал экзархом грузинским. Вскоре вл. Никона на Кавказе убили (2-е мая 1908). Тело его было привезено во Владимир и погребено внутри Успенского собора у южной стены. Владыка Николай очень сокрушался и в надгробном слове сказал: «Это мне, а не тебе подобало быть схороненным здесь», как бы считая себя косвенно виновным в смерти своего друга. В дни памяти вл. Никона преосв. Николай как бы налагал на себя епитимию: к богослужению в собор не в карете ехал, а шел пешком, что тогда было делом особенным. Владыка Николай скончался в 1914 г. будучи по делам в Петербурге, где и схоронен в Александро-Невской лавре.

Очень строгий к себе аскет — владыка Николай был вместе с тем чрезвычайно милостив. После каждого богослужения он раздавал нищим очень щедрую милостыню. Добр и снисходителен был и к своему духовенству. Вспоминают, как он бывало говаривал робеющим и сбивающимся ставленникам: «Судит Бог! (любимая его поговорка). Ничего, ничего, не робей. Поглядывай в служебничек!»

Приехавший во Владимир Сережа Сахаров потянулся душой к этому доброму архипастырю, который имел на юного семинариста большое влияние. Оценив чистоту души Сережи и любовь его к богослужению, владыка Николай полюбил его, и с 1903 г. дозволил ему прислуживать при архиерейском богослужении в качестве рипидоносца и иподиакона в каникулярное время, а с 1906 г. и до окончания семинарии и постоянно. В 1907 г. владыка посвятил Сережу в первую степень клира — в чтеца. Прислуживая владыке, Сережа имел возможность испытать снисходительность его. Однажды, подавая архиерею умываться во время литургии, он со страхом заметил, что подаваемый кувшин был пуст, и растерялся, не зная, что делать. Но владыка Николай любовно прикрыл промах, «умылся» без воды, так что в службе не произошло заминки, да и потом не сделал прислужнику замечания.

Владыка охотно принимал юношу у себя дома и беседовал с ним, пока тот был семинаристом. Когда же впоследствии о. Афанасий Сахаров приехал во Владимир в качестве молодого преподавателя, вл. Николай, вероятно ограждая его от зависти сослуживцев, не допускал уже прежней близости.

Успешно закончив семинарию, Сергей Сахаров поступил в Московскую Духовную Академию. Академия была в расцвете. Во главе ее стоял преосв. Феодор, епископ Волоколамский (Поздеевский). Среди профессоров и преподавателей ее в то время мы встречаем имена А. П. Лебедева, В. О. Ключевского, А. Н. Голубцова, Е. Е. Голубинского, А. И. Введенского, С. И. Смирнова, И. Д. Муретова, Н. Ф. Каптерева и др.

Студент Сахаров от всей души любил свою родную академию и лавру преподобного Сергия, особенно дорожа возможностью жить под покровом глубочайше чтимого им своего небесного покровителя. Если кто-нибудь и впоследствии говорил в присутствии вл. Афанасия о недостатках монашествующих лавры, он этим очень огорчался и оскорблялся.

Он очень почитал ректора семинарии владыку Феодора. Близок был к проф. Голубцову, специалисту по церковной археологии, бывал в его семье, особенно после кончины профессора, стараясь утешить и ободрить вдову его, обремененную большим семейством.

Церковным искусством, в особенности искусством древней Руси владыка, выросший в древнем Владимире и глубоко любивший свою родину и св. Церковь Русскую, всю жизнь очень ин-

тересовался. Любил историю Руси. Но любимым его предметом была литургия и изучение Устава.

Окончив академию в 1912 г., 12 октября 1912 г. Сергей Сахаров был пострижен в монашество, получил имя святителя Афанасия Пателлария, патриарха Цареградского, Лубенского чудотворца.

Через два дня, 14-го октября, его посвятили в иеродиакона, а 17-го — в сан иерея. Нового иеромонаха назначили преподавателем Полтавской духовной семинарии по литургике и гомилетике (2).

В Полтаве преподаватель о. Афанасий Сахаров прослужил всего один учебный год (октябрь 1912 г. — сентябрь 1913 г.). В это время ему стало известно, что во Владимирской семинарии требуется преподаватель как раз по этим предметам. Он решил подать об этом прошение в Синод и сделать это лично. Прямо с вок-

(2) Об этих датах встречаются упоминания в позднейших письмах владыки: «Для меня праздник Иверской иконы Божией Матери особенно дорог. 28 лет тому назад в этот праздник родился новый инок Афанасий. Правда по календарю это было 12 октября (тоже праздник Царице Небесной ради Иерусалимской иконы, главной святыни моего иконостаса. С 1898 года), но так как постриг был за всеобщей под 13-е, то применяясь к церковному счислению (день с вечера), годовщину своего пострига считаю 13-е, праздник Иверской. Эту икону особенно чтит мама и я с детства. Постриг я принимал уже получивши назначение в Полтавскую семинарию. Потом оказалось, что 13-е октября праздник Полтавской семинарии, и в 1912 г., когда в Полтавской семинарии в этот день шла праздничная всеобщая, — в моей Академии преподаватель Полтавской семинарии менял мирское имя на монашеское. А праздник Иверской 12-го февраля — знаменательный день для «второго сына моей покойной мамы (диако́нская хиротония о. Иосифа).

14/27.X. Сегодня день моей диако́нской хиротонии. И тогда это было воскресенье. Потом оказалось, что это день именин Полтавского архипастыря Назария, в послушание к которому я поступил. 17-го в среду — годовщина иерейской хиротонии и день Ангела † Андрея. *) Ближе всех для меня по воспоминаниям об этих днях Володя Пылаев. **) Он был почти неразлучен со мной тогда. С ним особенно хотелось бы сегодня поделиться воспоминаниями дорогими нам обоим... Но где он и жив-ли?»

*) О. игумен Андрей, эконом архиерейского дома во Владимире, духовник монашества.

**) Священник в Старой Руссе, однокурсник владыки по Академии, человек деятельный. Написал первую икону русских святых. Погиб в ссылке.

зала он направился к оберпрокурору Синода В. К. Саблеру, но тот должен был куда-то ехать сопровождать государя. Он был уже одет в парадную форму и готовился уезжать. Увидев молодого иеромонаха В. К. спросил: «Чего вы, батенька, хотите?» О. Афанасий изложил свою просьбу. В. К. спросил секретаря: — А что, подписано ли назначение преподавателя во Владимирскую семинарию?» Когда оказалось, что еще не подписано, Саблер тут же без всяких бюрократических проволочек приказал секретарю внести в приказ имя иеромонаха Сахарова и подписал назначение. У о. Афанасия на всю жизнь осталось теплое воспоминание о В. К. Саблере. Последний не только выполнил просьбу, но и по-отечески позаботился о молодом иеромонахе, спросив: «А где вы остановились?» — «Да я прямо с вокзала!» — «Ну вот, батенька, вам в гостинице останавливаться неудобно, а я вам дам записку в Александро-Невскую лавру, вам там будет хорошо».

И вот о. Афанасий снова в родном городе, в родной семинарии. На погребении владыки его бывший ученик сказал: «Мне посчастливилось в богословских классах иметь тебя учителем и классным руководителем. Я хорошо помню день, когда ты, молодой, энергичный, ревнующий о славе Божьей, прибыл из Полтавы в родную семинарию, чтобы занять вакантную кафедру преподавателя литургики и гомилетики. Помню блестящую лекцию, которую ты прочел нам, приступая к работе — о значении литургики и гомилетики в системе богословского образования. Никогда не забуду начальных слов этой твоей лекции. «На фронтоне нашей семинарии, — сказал ты, — написаны подлинно золотые слова: «ДОНДЕЖЕ СВЕТ ИМАТЕ, ВЕРУЙТЕ ВО СВЕТ, ДА СЫНОВЕ СВЕТА БУДЕТЕ» (Ио. 12,36). И дальше потекла речь плавная, красноречивая, убежденная и убеждающая. Ты говорил о красоте и величии православного богослужения, о том, что в наших богословских книгах, — особенно в Триоди постной, — есть произведения, не имеющие себе равных в литературе по силе своего духовного воздействия. Ты говорил о важности церковной проповеди для утверждения среди людей евангельских заветов, о силе и значении слова вообще; приводил в пример лучших проповедников своего времени, силою слова привлекавших и увлекавших тысячи слушателей в Церковь Христову. Ты, как Ангел, пел хвалу Богу перед юными слушателями, и «звук этой песни в душе молодой остался — без слов, но живой». Ты говорил, собственно, о значении литургики и гомилетики в деле воспитания просвещенного пастыря. А в душах слушателей как-то невольно ширилось сознание важ-

ности богословского образования вообще, росло и крепло желание посвятить свою жизнь на служение Церкви Христовой»...

Как было уже сказано, епископ Николай управлял Владимирской епархией до 1914 г. Повидимому в Синоде было мнение, что покойный был слишком мягок, «распустил духовенство», и на его место был назначен преосв. Алексей, человек резкий, придирчивый и деспотичный, под суровой рукой которого изнывало и роптало 3 года Владимирское духовенство. Но управление его было непродолжительно. После революции 1917 г. был собран съезд духовенства и мирян Владимирской епархии, который постановил отрешить от кафедры еп. Алексея и избрать на его место митрополита Финляндского Сергия, присутствовавшего тогда в Синоде. Особенно горячо выдвигал его кандидатуру протоиерей Алексей Владычин, благочинный г. Владимира. Активно поддержал ее и иеромонах Афанасий. Он очень уважал митрополита Сергия и как богослова и как деятельного и мудрого архипастыря; ценил его и за руководство исправлением нового издания богослужебных книг, что считал насущно необходимым делом.

О. Афанасий был в то время дружен с иеромонахом Серафимом, личным секретарем м. Сергия. Они организовали «проповеднический кружок» и наперерыв говорили проповеди. На ряду с любвеобильным и добродушным характером о. Афанасия, который несомненно стал уже известен многим из верующих, эти проповеди содействовали популярности его в народе.

Тот же Владимирский съезд избрал и представителей на Всероссийский Поместный Собор 1917-18 г. В члены Собора от монашествующих был избран и преподаватель Владимирской семинарии о. Афанасий Сахаров.

Будучи специалистом по литургики, иеромонах Афанасий работал в богослужебном отделе собора, и вместе с профессором (египтологом) Борисом Александровичем Тураевым принимал участие в составлении службы русским святым, совершение которой прекратилось во времена патр. Никона, «зачне в греческих типичех не обретається» (как и многие другие службы отдельным русским святым), а в Синодальный период эта служба была утеряна и праздник этот был покрыт мраком забвения. Работу над усовершенствованием и расширением службы владыка Афанасий продолжал и в последние годы своей жизни.

По обстоятельствам времени после восстановления патриаршества (выборов патриарха) и решения наиболее неотложных дел поместный собор был преждевременно закрыт.

Пребывание на соборе расширило круг знакомств о. Афанасия. Здесь он столкнулся со многими выдающимися представителями духовенства и верующих мирян.

К этому времени относится рассказ о. Афанасия о том, как происходило вскрытие мощей Владимирских чудотворцев и как затем они были выставлены напоказ народу в обнаженном виде.

Во время вскрытия было установлено, что тело св. благоверного князя Глеба, скончавшегося в 1174 г. (сын св. князя Андрея Боголюбского), было мягким и гибким и кожу на нем можно было схватить пальцами, она отставала, как у живого. А у влк. князя Георгия убитого в бою с татарами (1288 г.), в котором ему была прочь отсечена голова, последняя оказалась приросшей к телу, но так, что можно было заметить, что она раньше была отсечена, так что и шейные позвонки были смещены и срослись неправильно. Вскрывавший мощи врач впоследствии говорил, что это обстоятельство укрепило в нем веру в Бога и в чудо.

В ожидании начала демонстрации вскрытых мощей народу Владимирское духовенство установило в соборе дежурства по два человека. В храме были расставлены длинные столы, покрытые церковными покровами (какими покрывают гроб с покойником), а на них аккуратно положены св. мощи (владыка только сетовал, что покровы были положены не самые парадные — настоятель пожалел). Первыми дежурными были иеромонах Афанасий и псаломщик Александр Афанасьевич Потапов, обладавший чрезвычайно высоким голосом. Едва открылись двери для впуска народа, иеромонах Афанасий громко возгласил: «Благословен Бог наш», а в ответ ему под сводами древнего собора разнеслось звонкое до пронзительности «аминь», и начался молебен владимирским угодникам. Входящий народ стал креститься, класть поклоны и ставить свечи у мощей. Таким образом, предполагаемое поругание святыни обратилось в торжественное богослужение. Инициатором установления дежурств был, кажется, сам о. Афанасий.

Вернувшись во Владимир с поместного собора, о. Афанасий был избран в члены Епархиального Совета, как представитель монашествующих (1918-1920 гг.). В 1920 г. назначен заместителем Владимирского Рождественского монастыря (во Владимирском кремле) и 20-го января возведен в сан архимандрита. С 18-го июня 1921 г. он настоятель Боголюбовского монастыря, а через 9 дней, 27 июня хиротонисан во епископа Ковровского.

Архиерейская митра явилась для вл. Афанасия подлинно терновым венцом. Время было тяжелое — гражданская война еще не кончилась. В стране царил разруха. В Поволжье неурожай и страшный голод. Власти объявили изъятие церковных ценностей. Возникло обновленчество. В такой бурной обстановке пришлось встать на кафедру молодому епископу.

К этому времени относится его знакомство и сближение с отцом Иосифом Потаповым, который стал ему преданнейшим помощником и другом. Вот рассказ самого о. Иосифа.

О. Иосиф был послушником Боголюбовского монастыря и келейником викария Владимирской епархии преосвященного Евгения (Мерцалова), епископа Юрьевского, жившего вначале в архиерейском доме во Владимире, а потом в Боголюбовом монастыре, которого он и был настоятелем. В 1919 г. Иосиф Афанасьевич был взят в армию и после нескольких перемещений (Кострома, Нерехта, Кашира Тульской области) в июне 1920 г. был откомандирован в г. Владимир в одну из воинских частей. По воскресеньям и праздникам он имел возможность бывать на богослужениях. Ходил в Успенский собор или в Троицкую церковь, куда были переведены духовенство и монахи из архиерейского дома, в числе которых был и архимандрит Афанасий. Последний однажды сказал Иосифу Афанасьевичу в шутовском тоне: «Пора бы вам быть диаконом», на что также в шутку тот ответил: «Когда вы будете архиереем, тогда и я буду диаконом».

Как указано, архимандрит Афанасий в конце июня 1921 г. был хиротонисан во епископа, а в Рождественский сочельник того же года он посвятил И. А. Потапова в стихарь. Иосиф Афанасьевич стал выполнять обязанности иподиакона при служении владыки, когда это было ему возможно по службе. Через некоторое время владыка напомнил ему о прежде бывшем разговоре. «Вот я теперь архиерей. Когда же вы будете диаконом? Вы ведь обещали. — «Когда освобожусь из армии, владыка!» Один раз владыка по обычаю своему пригласил к себе причт на трапезное утешение. Обратившись к И. А., владыка сказал ему: Иосиф Афанасьевич! Я как-то возымел к вам особое расположение, внимание и любовь, видя вашу заботливость и прилежность к богослужению. Да и покойный преосв. Евгений рекомендовал вас как обо всем заботливого молодого человека и просил меня не терять вас из вида. Сам я не умею узнавать людей и неопытен совершенно, но, зная покойного владыку Евгения как опытного архипастыря, я еще больше возлюбил вас и хотел бы, чтобы вы были около меня, как

были при покойном владыке Евгении и служили ему. Иосиф Афанасьевич был растроган и напоминанием о владыке Евгении, который когда-то позаботился о нем и поручил его о. Афанасию, тогда еще архимандриту, и выражением любви и доброго отношения вл. Афанасия, и от избытка чувств прослезился. С тех пор они стали все более и более сближаться. Неожиданно в январе 1922 г. И. А. по болезни был освобожден из армии, а 4/17 февраля, в день памяти св. князя Георгия Владимирского, сочетался браком с девицей Марией Ивановной Хренковой. Венчал их сам владыка Афанасий при участии иеромонаха Германа и диакона Николая Беневоленского и двух иподиаконов, в Троицкой церкви. Храм был полон народа. Пел архиерейский хор в полном составе. Чтобы не смутить верующих необычностью венчания, вл. Афанасий сказал слово, в котором говорил, что епископ имеет право совершать все таинства и, хотя в России это не принято, но на православном востоке совершается в обычном порядке. Вскоре после этого вл. Афанасий ездил в Нижний Новгород, куда был выслан митрополит Владимирский Сергей, и рассказал ему о совершении им венчания. В гостях у митрополита Сергея был в тот момент митрополит Нижегородский Евдоким. Владыка Сергей пошутил: «Владыка, скажите — у вас викарии венчают дяконов?» Вл. Евдоким: «Таких случаев не слышал». — А «у меня вот викарии венчают», так же шутливо сказал митрополит Сергей.

12/25 февраля, в день Иверской иконы Божей Матери вл. Афанасий рукоположил И. А. во диакона.

До самой смерти Владыки связь их не порывалась. Когда владыку взяли, о. Иосиф преданно заботился о его матери, называвшей его своим вторым сыном. О. Иосиф ее и похоронил 16 ноября 1930 г.

17 марта 1922 г. еп. Афанасий был на один день арестован и препровожден в ревтрибунал, но на другой день освобожден.

В Великий Четверг готовились к совершению чина омовения ног, но в Великую Среду, 30 марта, митрополит Сергей, еп. Афанасий, архиепископ Суздальский Павел и бывший Суздальский еп. Василий были арестованы по Суздальскому делу по обвинению в связи с изъятием церковных ценностей. В Суздале была разворована ризница, и это было поставлено в связь с изъятием церковных ценностей. Вл. Афанасий был подвергнут аресту как член Епархиального Совета. 27-го мая был произведен показательный суд и обвиненных приговорили к одному году лишения свободы, но по амнистии освободили 28-го мая того же года.

Как говорилось выше, глава Владимирской епархии был выслан. И вот викарный епископ Ковровский Афанасий оказался управляющим Владимирской епархией, и ему пришлось грудью встретить волны бед и напастей, воздвигшихся на церковный корабль от обновленческого раскола. Когда обновленчество началось, один из Владимирских протоиереев, настоятель Никитской церкви, о. Михаил Тихонравов по собственному почину отправился в ВЦУ, т. е. в Москву. Вернувшись во Владимир, он явился с рассказом о своей поездке к вл. Афанасию, но тот отнесся отрицательно как к самочинной поездке, так и, в особенности, к самому обновленчеству. Тем не менее вскоре по инициативе того же Михаила Тихонравова было созвано собрание городского духовенства. Батюшек собрали, а потом заставили подписываться за признание обновленческого движения под угрозой, что если не подпишутся, то и на волю отсюда не выйдут. Со своей стороны владыка Афанасий с первого же следующего богослужения стал объяснять народу, что обновленцы — раскольники, группа духовенства, восставшая против законного канонического епископата, возглавляемого святейшим патриархом Тихоном, что в силу этого они не имеют права совершать таинства и нельзя поддерживать с ними молитвенного общения, нельзя ходить в обновленческие или живоцерковные храмы. Вскоре вл. Афанасий поехал в Н.-Новгород к своему епархиальному архиерею с докладом о своей деятельности. Однако вл. Сергей не похвалил его за ярое выступление против обновленчества, сказав: «Лбом стену не прошибешь». (Сам вл. Сергей 10-го июня 1922 г. присоединился к обновленцам. Вероятно он в глубине души надеялся встать во главе ВЦУ и потом повернуть по-своему кормило правления в более правильную сторону, но Красницкий оказался хитрее и вл. Сергию власти не дал. Под давлением преосв. Феодора Поздеевского митрополиту пришлось принести публичное покаяние в Донском монастыре, стоя на паперти в одном подряснике). Но и после беседы с митроп. Сергием вл. Афанасий не изменил свое отношение к обновленцам. Стараясь все время поддерживать связь с верными патриарху епископами, он в то же время продолжал убеждать паству не общаться с обновленцами. Иереев впавших в обновленчество, заставлял приносить публичное покаяние вместе со всем приходом, освящал оскверненные расколом храмы и т. д. Всем этим он помогал Владимирской церкви избежать раскола и сохранить верность православию.

Но такая деятельность ему даром не прошла. 15 июня 1922

г. он был на 10 дней арестован одновременно с Муромским епископом Серафимом (Руженцовым). (В заключении был с московским протоиереем Миртовым, владимирским уроженцем). Освобожденный 25 июня, он 25 сентября вновь подвергается аресту и находится сперва во Владимирской тюрьме (б. Рождественский монастырь), а потом в Московской Таганской. Последовал приговор: два года ссылки в Зырянский край. О пребывании вл. Афанасия в Зырянском крае сохранились воспоминания одного его тамошнего знакомого ссыльного, дающие очень живую картину тамошней жизни владыки. Внешне она была сравнительно мирная — ежедневно в его келье совершалось богослужение, хотя сам владыка служил сравнительно редко, больше служили жившие поблизости ссыльные священники. Службы были продолжительные, по всей строгости церковного устава. Владыка получал посылки и всегда чем-нибудь делился с другими, причем не только со своими близкими. Любил владыка и угощать чем Бог послал. Посты соблюдал очень строго. С владыкой жил его добровольный келейник и спутник о. Дамаскин, иеромонах.

Тюрьмы, этапы и ссылки всегда были для владыки Афанасия источником знакомств и встреч со многими людьми. Некоторые из них становились его друзьями на всю жизнь. Он даже всегда перечисляет эти знакомства в своих «Этапах». Особенно богат этот перечень за 22-24 годы: «Владимирская тюрьма в 1922 г. Муромский еп. Серафим (Руженцов), московский протоиерей Миртов, владимирский уроженец в том же году, там же: архиепископ Никандр митрополит Крутицкий, еп. Дамиан Переяславский (Воскресенский), еп. Николай Муромский, архиеп. Фаддей Тверской, еп. Корнилий Вязниковский, впоследствии Свердловский, еп. Василий Суздальский; священники Дурьлин, Н. Дулов; Ковровский протоиерей о. Алексей Благовещенский, прот. Константин из Суздали. (В Московской и Вятской тюрьмах он был с еп. Феодосием (?)). На этапе в Зырянский край видится с еп. Литовским Серафимом (Звездинским) и еп. Николаем (Добронравовым). В Зырянском крае встречается с митрополитом Кириллом, архиепископом Фаддеем, еп. Николаем (Добронравовым); знакомится с прот. Владимиром Богдановым и с ученым архимандритом Неофитом, патриаршим секретарем и ризничим.

К сожалению не сохранились письма владыки Афанасия к матери из его первых ссылок. Он писал ей ежедневно и сообщал о всех мелочах своей жизни с присущим ему невинным юмором и никогда не жаловался, всегда стараясь утешить и ободрить мать.

Эти письма утешали и ободряли не только Матрену Андреевну, но, можно сказать, всю паству и всю епархию, потому что у матери владыки все бывало, все интересовались, что пишет владыка, все этим поддерживались и утешались.

Ежедневно и мать отвечала ему. Сама она была неграмотная, писать не умела. Это делал под ее диктовку о. Иосиф, который проводил в ее доме все свободное от церковной службы время, а домой приходил только ночевать (и, таким образом, живя во Владимире, о. Иосиф был почти разлучен с семьей, но его супруга, не менее его преданная владыке, никогда не роптала, но принимала такое положение вещей как должное), всячески стараясь и утешить и поддержать свою вторую мать, скорбящую по родном любимом сыне-епископе.

В Зырянском краю вл. Афанасий пробыл до 20-го января 1925 г., будучи освобожден на 2 месяца позднее срока. С великой радостью встретила его в Москве на вокзале Матрена Андреевна в сопровождении верного о. Иосифа. С вокзала владыка поспешил навестить семью Фудель, с которыми познакомился в Устьсысольске.

По окончании Зырянской ссылки владыке не было сделано никакого ограничения в выборе места жительства, и он вернулся во Владимир на церковное делание. Так как по-прежнему Владимирская кафедра пустовала фактически (м. Сергий все еще жил по высылке в Н. Новгороде), то вл. Афанасий, будучи викарием Владимирского владыки, как Ковровский епископ, считал себя ответственным за епархию, как бы вверенную ему Богом. Поэтому, постоянно поддерживая связь с митрополитом Петром, он продолжал по-прежнему ревностно бороться с обновленческим расколом, стараясь в тогдашней трудной обстановке сохранить церковное единство и каноническую законность.

Около 1925 г. во Владимире был организован обновленческий епархиальный съезд. Трое из старейших протоиереев, там участвовавших, пришли к вл. Афанасию, приглашая его на съезд. Участвовать в съезде владыка отказался, но все же пришел к обновленцам с тем, чтобы обличить их и выразить свое отрицательное отношение к их съезду. Увидев в числе собравшихся архиерея Герасима-украинца, назначенного обновленцами архиепископом Владимирским владыка сказал ему: «Вы монахи — и вы здесь! Мне стыдно за вас!». Свою обличительную речь владыка закончил словами: «А теперь я еду к митрополиту Петру с покаянием, что без

его благословения присутствовал на вашем незаконном собрании!»

Когда осуществлять контакт с м. Петром стало невозможно, вл. Афанасий старался все же не действовать самочинно, а советовался с верными Церкви епископами, хотя и это было чрезвычайно затруднительно, так как большинство их было в ссылке.

В конце 1926 г. недовольные деятельностью ревнителя Православия местные власти предложили ему или уехать из Владимира или прекратить управление епархией, а так как он по своей епископской совести не мог на это согласиться, то 2-го января 1927 г. его арестовали предъявив обвинение в принадлежности к к.-р. организации архиереев, возглавляемой м. Нижегородским Сергием Старгородским. Митрополит Сергей в то время распоряжением митр. Петра, местоблюстителя патриаршего престола, был назначен временным заместителем местоблюстителя для исправления текущих дел Московской патриархии. Сам м. Петр лишился возможности управлять Русской церковью, так как был арестован и выслан из Москвы за борьбу с обновленчеством и нежелание идти ни на какие компромиссы, могущие быть во вред Церкви. В первое время м. Сергей правильно понимал свое положение, был верен м. Петру, т. е. не решался на принципиальные изменения в руководстве Церковью и занимался только текущими делами. Эта верность м. Петру и была основанием обвинения.

Вл. Афанасий был препровожден в Московскую внутреннюю тюрьму, где находился около 4-х месяцев, с 3-го января по 30 апреля 1927 г. В конце апреля он на 5 дней был помещен в одиночную камеру вдвоем с «главой группы» м. Сергием. В своих беседах они обсуждали положение Церкви и м. Сергей обещал, не идти ни на какие компромиссы, пребыть верным м. Петру и говорил, что считает свои полномочия ограниченными и вытекающими из полномочий Местоблюстителя. Однако через несколько дней вл. Афанасий был направлен в Соловецкие лагеря на 3 года, и одновременно разъехались в разные ссылки еще 40 архиереев, а митр. Сергей вышел на свободу и переменил тактику: он вскоре заявил, что теперь ему принадлежит полнота церковной власти в Русской церкви, равная власти Местоблюстителя. По инициативе м. Сергия была введена государством регистрация церковных учреждений, а впоследствии и организован Совет по делам Русской Православной Церкви при Президиуме Верховного совета Союза, чем, собственно говоря, уже официально сводилась на нет независимость Церкви от государства. Делалось это под лозунгом «церков-

ной экономии», но по существу было уже принципиальным актом, на который заместитель Местоблюстителя не имел права. М. Сергей стал даже претендовать на полноту патриаршей власти, ссылаясь в своих действиях на желания и намерения покойного патриарха Тихона. М. Сергей организовал при себе священный синод по образцу дореволюционного петровского синода, который после введения патриаршества не должен был существовать.

В Соловецких лагерях владыка Афанасий побывал в разных пунктах и на различных работах, но содержался сравнительно свободно, временами даже «жил на квартире». Это было на Поповом острове. Были у него свидания с матерью и со старостой Троицкой церкви Александром Николаевичем Парковым, свидания продолжительные и без свидетелей. Позднее об этих свиданиях владыка часто вспоминал. Таких уже больше не бывало.

Перед самым концом трехгодичного срока, 23 января 1929 г. владыка Афанасий без предъявления какого-бы то ни было обвинения был подвергнут аресту и менее чем на неделю отправлен на Соловецкие острова, где среди заключенных свирепствовал повальный тиф, и, когда заболел сыпняком, был помещен в заразные бараки, помещавшиеся в бывшей конюшне. Там на трехъярусных нарах лежали больные. Место владыки оказалось в нижнем ряду, и сверху на него лились нечистоты. Тем не менее он выжил. В конце февраля он в числе прочих заключенных подвергся медицинскому осмотру (причем более часу пришлось стоять на холоде раздетыми), признан здоровым и отправлен этапом на 3 года в Туруханский край. После тифа владыку очень мучил голод, и вот в вагоне он впервые в жизни нарушил обычную для него строгость первой недели Великого поста, открыв баночку рыбных консервов. С сокрушением скушал и впоследствии, вспоминая этот случай, он рассказывал, что в тот год в день Благовещения Пресв. Богородицы не имел рыбного «утешения», которого никогда не бывал лишен ни прежде, ни после.

Этап шел через ряд тюрем — Ленинградские «кресты», Новосибирскую, Красноярскую, пересыльные. В последней владыка неожиданно встретился с мит. Кириллом, но когда радостно бросился к нему, то услышал суровое: «Я вас не знаю». Дело в том, что исхудалый после болезни и наголо обритый вл. Афанасий действительно был трудно узнаваем. Конечно, недоразумение быстро разъяснилось. Впоследствии оба владыки некоторое время даже жили вместе в Туруханских «станках» Селиванихи, вместе молились, а когда однажды в Туруханске владыка Афанасий попал в ужасную

тамошнюю каталажку и был в очень тяжелом положении, то митрополит Кирилл молился за него и читал св. Евангелие (по примеру Киевского подвижника иеросхимонаха Парфения и с его молитвой) и неожиданно вл. Афанасий был освобожден, так что Евангелие от Иоанна владыки дочитывали вместе.

О митр. Кирилле вл. Афанасий всю жизнь хранил самые добрые и светлые воспоминания и любил о нем рассказывать. Вот вкратце некоторые из этих рассказов.

Еще при жизни святейшего Тихона в 1924 г. вл. Кирилл возвращался из Зырянского края, и ему было предписано явиться в Москву к Тучкову, никуда по дороге не заезжая. Однако владыка Кирилл первым делом все же отправился к патриарху, который только что подписал согласие принять в общение обновленца Красницкого. На вопрос — зачем святейший это делает, м. Кирилл услышал ответ: «Я болею сердцем, что столько архипастырей в тюрьмах, а мне обещают освободить их, если я приму Красницкого». На это вл. Кирилл сказал: «Ваше святейшество, о нас, архиереях не думайте. Мы теперь только и годны на тюрьмы...» Святейший вычеркнул фамилию Красницкого из только что подписанной бумаги, а владыка Кирилл направился к Тучкову, где при разговоре на ту же тему — о Красницком — его упрекнули в том, что он не слушается Святейшего, который хочет принять Красницкого. «Не понимаю, — сказал вл. Кирилл, — год тому назад на этом самом месте вы меня обвиняли в чрезмерном повинении патриарху, а теперь требуете обратного!»

По кончине п. Тихона не было возможности созвать правильный собор для выбора нового патриарха, потому что большинство архиереев были в тюрьмах и в ссылках, да и вряд ли Тучков вообще допустил бы созыв такого собора. У находившегося тогда в Соловецких лагерях архиепископа Иллариона (Троицкого) возникла мысль осуществить выборы нового патриарха путем собирания подписей архиерейских. Он с единомышленным, находившимся в Соловках духовенством, написал соответствующее воззвание-обращение к епископам русской Церкви, в котором предлагал выбрать на патриаршество преосв. Кирилла. Воззвание было вывезено из лагеря одним выходящим на свободу архиереем в чемодане с двойным дном. Было собрано довольно много подписей за кандидатуру м. Кирилла, но едва воззвание соловчан попало в руки м. Сергия Старгородского, как о нем стало известно властям пререждающим, начинание было пресечено, и архиереи, давшие свои подписи, пострадали. Пострадал и инициатор этого дела

преосв. Илларион. Его, полубольного, едва вставшего после тифа, отправили этапом в холодной рясе; больного его сняли с этапа в Ленинграде, где он и скончался.

Перед тем как м. Сергей стал заместителем местоблюстителя, его роль Тучков предлагал тем архиереям, имена которых стояли в завещании (патриарха?), т. е. митрополитам Агафангелу и Кириллу. Рассказывали, что м. Агафангелу запретила идти на это одна блаженная (слепая Ксения) из г. Рыбинска, которую он очень почитал, сказав: «Если согласишься, то потеряешь все, что раньше приобрел». Когда же Тучков вызвал м. Кирилла, последний давал согласие на занятие этой должности, но не принял предложенных условий. «Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, — сказал Тучков, — вы должны будете нам помочь». — «Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да. В противном случае я скажу: брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить и я вынужден это сделать». — «Нет, не так. Вы должны сделать вид, что делаете это сами и найти соответствующее обвинение!» Владыка Кирилл конечно отказался. Говорят он ответил: «Евгений (имя и отчество Тучкова)! Вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь!»

Он был немедленно отправлен на этап, причем его везли лодкой в верховья Вычегды. Везшие его стрелки не кормили его, и только лодочники тайком из жалости давали ему хлеба. Когда приехали на место, где стояла одна изба, его поручили наблюдению хозяина дома, ничем владыку не обеспечив. Владыка Кирилл смастерил себе удочку и питался немногими рыбками, которые ему удавалось выловить, и варил их в старой консервной банке. Он так измучился телом и душой, что заплакал, когда верная мать Евдокия, едва разыскавшая его в этой глуши, застала его на берегу за этим делом.

В туруханском крае вл. Афанасий несколько раз подвергался перемещениям, жил в г. Красноярске, в Енисейске, в Стенках Туруханском, Мельничном, Селеванихе, Пупкове (1930 г.).

Все такие перемещения обычно нелегки: только человек обживется, осмотрится, привыкнет к лицам и месту, и приходится переезжать и на новом месте все начинать сначала.

Во время пребывания владыки в Туруханском крае, в 1930 г., во Владимире скончалась его любимая матушка, Матрена Андреевна. Для владыки это была величайшая утрата, оборвалась самая сильная его земная привязанность, Он совершил по матери 3 или 4 сорокоуста обедень (конечно в домашних условиях), а к шестинедельным поминаниям послал во Владимир рыбы из Сибирских рек. Он жил тогда, кажется в Мельничном или Селиваных.

После смерти Матрены Андреевны владыка начал писать свой труд «О поминовении усопших», (3) на первом листе которого написано: «Посвящаю памяти любимой матери». Писать приходилось без больших удобств, при плохом освещении, бумаги было мало и приходилось писать очень убористо, так что впоследствии нелегко было разбирать рукопись.

Наконец, 3-го января окончился срок ссылки, но освобождение пришло более, чем через полгода.

Владыка опять вернулся в свой родной город. Побывал на могилке матери, повидался с близкими, но уже был не у дел. На кафедре был еп. Иннокентий, назначенный митрополитом Сергием, а Успенский собор был превращен в антирелигиозный музей.

Позднее вл. Афанасий писал: «Когда митрополит Сергей заявил, что его полномочия вытекают из полномочий Митрополита Петра, мы все признавали митрополита Сергия, как законного руководителя церковной жизни православной Русской церкви, первоиерархом которой остается митрополит Петр. Когда же митрополит Сергей, не удовлетворившись тем, что было дано ему и что он мог иметь при жизни законного первоиерарха Русской Церкви, когда в своем журнале он всенародно объявил, что ему, митрополиту Сергию, не только принадлежат все права местоблюстителя, но что он, «заместитель», облечен патриаршей властью» (Вып. № 1, стр. 3) и что сам наш законный первоиерарх, «митрополит Петр, не имеет права вмешиваться в управление и своими распоряжениями исправлять даже ошибки своего заместителя» (там же), тогда ряд архипастырей, в том числе и я, призна-

ли, что такое присвоение митрополитом Сергием всех прав первоиерарха при жизни нашего законного канонического первоиерарха митрополита Петра, — лишает захватчика и тех прав по ведению дел церковных, какие в свое время были даны ему, и освобождает православных от подчинения митрополиту Сергию и образованному им Синоду».

Об этом вл. Афанасий откровенно в письменной форме заявил митрополиту Сергию по возвращении из Туруханского края в декабре 1933 года... Отказавшись от какой-либо церковной работы под руководством митрополита Сергия и не участвуя лично в общественном богослужении, владыка Афанасий не уклонялся от посещения храмов, где богослужение совершалось священнослужителями, признававшими митрополита Сергия, но другие, близкие ему епископы, в особенности ревностнейший владыка митрополит Кирилл, в качестве протеста допускали непосещение Сергиевских храмов, хотя осуждали хуления неразумных ревнителей, говоривших, что в «Сергиевских» храмах нет благодати.

Владыка прописался в г. Егорьевске, но комнату себе снял во Владимирской области, вблизи Петушков, в деревне Горушки. В самих Петушках преданный ему о. диакон Иосиф служил в Петушковской церкви во имя Успения Божией Матери и жил с семьей в церковной сторожке. Владыка часто бывал у родных в Москве и, тоскуя без совершения богослужения, иногда тайно служил. Продолжал он и заниматься литературной работой, т. е. писать «О поминовении усопших».

1936 год. Время тревожное. Стали искать и владыку. Он приезжал навестить о. Иосифа. Как-то узналось что владыку ищут, и одна преданная ему духовная дочь решила из Владимира поехать в Петушки, предупредить его. К несчастью, на вокзале во Владимире она встретила знакомого старичка, бывавшего в церкви, которого считала «своим». На его вопрос: «куда едешь?» — ответила откровенно. Старичек оказался провокатором и «сработал» настолько быстро, что когда девушка шла в Петушках с вокзала по направлению к храму, она повстречала арестованных владыку и о. Иосифа.

Когда их доставили в г. Иванов владыку очень долго допрашивали и довели почти до потери сознания, так что он подписал протокол допроса с ложным признанием, что они с о. Иосифом имели тайную домашнюю церковь и совершали на дому у о. Иосифа литургию. Ложность этого была очевидна, так как о. Иосиф жил при храме и там диаконствовал. На другой день, придя в

(3) Напечатан в Вестнике Западно-Европейского Патриаршего Экзархата.

себя, владыка опротестовал вынужденное ложное показание, но «подписанное пером не вырубишь и топором». Владыка Афанасий получил 5 лет Беломорских лагерей, а о. Иосиф — 3 года Ухтинских.

Снова этап с рядом тюрем. В вологодской тюрьме владыку разлучили с о. Иосифом, и он через Ленинградскую «пересылку» прибыл в Беломорско-Балтийские лагеря. Кажется, что это был один из самых тяжелых периодов жизни владыки. Его повидимому считали «опасным» преступником.

По прибытии в эти лагеря и по окончании карантина его назначили инкассатором Медвежегорского Отделения. На его заявления, что он никогда никаких денежных дел не вел и совершенно неопытен в этой области, ему дали понять, что лагерники должны делать все, что им приказывают, и под страхом лагерных взысканий не имеют права отказываться от даваемых поручений. Волей-неволей он должен был подчиниться. Работу инкассатора ему пришлось проводить в невероятно тяжелых условиях и в совершенно несоответствующей делу обстановке. Вначале даже не было ящика для денег. Ему сказали: «Купите газету и заверните в нее». Оплата производилась в пяти точках, по большей части в бараках, в ночное время, при слабом свете керосиновой лампы или при фонаре «Летучая мышь». Шумная толпа заключенных, в подавляющем большинстве уголовников, почти вплотную окружала стол. А к тому же владыка при слабом зрении должен был работать в очках, через которые вдаль в 1-2 шагах от себя видел все лишь в тумане. Иногда и стрелки, которые должны были охранять кассу с деньгами, не предупредивши инкассатора, уходили. Как и следовало ожидать, вскоре у владыки пропали деньги, и к концу первого месяца работы у него оказалась недостача в 1115 рублей. Сумма эта была возмещена друзьями владыки, но тем не менее за пропажу денег ему добавили еще год лагерей и, кроме того, несмотря на слабое состояние здоровья, перевели на общие работы, на лесопункт. Там пришлось ему трудиться в непосильном и непривычном деле — на лесоповале, на строительстве кругло-ледневой дороги, на лесобирже. Вероятно к этому времени относится письмо его соузника о. протоиерея Василия.

Он пишет: «все трудности лагерной жизни мы вместе переносили с епископом Афанасием на разных работах и в разных лагерях. Смерть часто заносила косу над нашими головами, а ангел-хранитель ее отводил в такие моменты, когда казалось, что смерть неизбежна. Особенно памятливы некоторые случаи, когда мы скор-

бели о потерянном рае... возможности служения. Великая Пятница, а мы на лесовале, в болотистой части дремучего леса, увязаем в тине, с опасностью провалиться в так называемые «волчьи ямы», занесенные снегом: кто попадал в них, сразу погибали. И в такой обстановке мы исповедывались друг другу... открыли друг другу все сокровенные мысли...»

В мае 1937 г. на майские праздники владыку взяли в штрафной изолятор. В августе того же года он был подвергнут аресту и без предъявления обвинения заключен вновь в штрафной изолятор. Там он пробыл 3 месяца. Каждую ночь нескольких заключенных выводили на расстрел. Владыка все время был на очереди и ежедневно готовился к смерти, но почему-то очередь каждый раз его обходила (может быть кто-то его щадил?). В конце октября его даже вернули на лесопункт, но в ноябре опять более чем на месяц взяли в те же страшные условия, — и опять он остался в живых.

Наконец один из начальников вошел в барак и с облегчением громко заявил, что опасность миновала. Владыку опять отправили на работы.

Совершенно истощенный в силах владыка был признан «инвалидом ширпотреба». В декабре 40 года он пишет, что ничем не болен, только кашляет, так как койка его около двери, — но у него упадок сил, иногда рукой тяжело пошевелить. Таких инвалидов лекпом не освобождает, потому что они имеют право не идти на работу без всякого освобождения, когда чувствуют себя нездоровыми. Но владыка был бригадиром лаптеплетной бригады и дневальным по бараку, и должен был не только убирать барак, но и заботиться о хлебных пайках и талонах, получать хлеб для всей бригады, а для этого надо было вставать в 3 часа утра. Владыка просил освободить его от обязанностей дневального, хотя дневальство давало некоторые преимущества — больший хлебный паек и возможность готовить себе пищу.

Но он страшно измотался, не видя покоя ни днем, ни ночью. Как он писал, беда была в том, что он не умел делать кое-как, втирать очки, а товарищи его смотрели на дело по-иному, и в местах общего пользования при четырех дневальных владыке приходилось через три дня вывозить всю грязь, которая после того опять в течение трех дней копилась до его дежурства. А те трое только посмеивались: «дураков-то работа любит». Несмотря на просьбы, владыку не освобождали от дневальства. Он жаловался: «Прошу освободить от дневальства — «такого — (без

похвальбы передаю) не освобождают. Вспоминаю Крыловского скворца, пойманного птицеловом. Один из всей стаи хотел пожаловаться ловца своим пеньем и, как раз вопреки его предположениям, один остался в клетке. Не надо было работать так, чтобы считали «образцовым». Но я не умею иначе, не умею «зарякать туфту»...

Несмотря на неоднократные заявления о снятии добавочного срока, срок снят не был, и в начале Отечественной войны владыка был отправлен из Олонии за 400 км в Архангельскую область, в Онежские лагеря пешим этапом. Трудно даже представить, как истощенный, измученный узник смог выдержать такое непосильное путешествие. Впоследствии он писал об этом: Я вспоминаю бывшее со мной — 13 июля 1941 г. мне пришлось идти пешком около 400 км. из Олонии в Архангельскую область. Меня с детства приучили не пить сырой воды. А тут я рад бы зачерпнуть горстью водички из лужи или из болота, и эта, хотя и грязная, но не ядовитая вода... освежала меня и укрепляла. Соринки, травинки, водяную плесень я откидывал, а воду пил, и без этой сырой и не совсем чистой воды едва ли бы дошел до цели».

В результате тяжелого этапа и от голода вл. Афанасий так ослабел, что в Онежских лагерях едва ходил с палочкой по барраку, думал, что не переживет, писал завещание. Но Господь помиловал.

В Онежских лагерях вл. Афанасий пробыл до 30/VI-42. (из них опять 11,5 месяцев сверх срока), после чего был направлен в бессрочную ссылку в Омскую область. Тут он в совхозе «Гольшманово» пробыл 4 месяца ночным сторожем, после чего в г. Ишиме на квартире еще почти целый год. Господь давал ему передышку. Он пишет оттуда: «Хозяева мои старички хорошие. Старушка целый день хлопочет о еде. Вообще — благодарение Господу — нынешнее обилие покрывает с избытком прежнюю скудость».

В Ишиме не было храма и владыка молился на дому. Об этом узнали некоторые верующие и обращались к нему с просьбами помолиться о них, а возможно и совершать некоторые требы, за которые платили ему натурой. Это его весьма поддерживало — и материально и морально. Жители Ишима начали хлопотать об открытии храма и просили владыку согласиться служить в этом храме. С некоторой нерешительностью он дал на это принципиальное согласие. Неугомонный владыка уже мечтал о ли-

тературных занятиях — окончании труда о поминовении усопших. А над ним уже сгущались тучи. У хозяев была дочь, молодая девушка, которая очень хорошо относилась к владыке. Вдруг с некоторых пор она начала его избегать. Владыку это удивило. Неожиданно эта девушка покончила самоубийством и оставила записку, в которой просила владыку молиться о ее душе. Близкие владыки начали хлопотать о том, чтобы его отпустили к ним на иждивение, но дело велось с какой-то непонятной волокитой. В это время из Владимира приехал старичек «стекольщик», Ив. Дм. Буланов, однажды уже предавший владыку. Ничего не подозревавший владыка отнесся к «земляку» с полным доверием, а письма о. Иосифа, пытавшегося предупредить о провокации и вообще многие письма к владыке перехватывались, и он терялся в догадках — почему все молчат.

7-го ноября 1943 г. владыка вновь арестован. С ноября 43 г. по июль 44 г. он путешествует по тюрьмам (Ишимская, Омская, Московская внутренняя, Лефортовская Бутырская, Краснопресненская), после чего попадает в Сибирские лагеря. Здесь снова направлен на физические работы. Сначала три месяца на полевых работах, потом два года ассенизатором до 30-го августа 1946 г. Только Ишимская передышка вероятно позволила ему вытерпеть еще и эти нагрузки, хотя он был уже очень слаб.

3/1-45 г. он писал: «Я, по милости Божией, здоров, сравнительно благополучен и, как всегда, благодушен хотя временами бывает очень тяжело. Говорю сейчас не о физических тяжестях. Работаю по-прежнему ассенизатором. Конечно, соскабливать лед, сбивать примерзший навоз не так легко. Но главная моя работа утром, часа полтора-два, — тут нелегко, часто прихожу в барак после работы с совершенно мокрой рубашкой. Обычно после возвращения в барак подкреплюсь маленьким — грамм в 40, ломтиком хлеба (больше не умею выгадывать для этого второго завтрака из моих 550 грамм). Хлебушек смазываю постным маслом, которое все еще тянется у меня из Вашей посылочки. Утром и кончается моя главная работа. Среди дня только наблюдаю за чистотой в уборной. Тем и нравится мне моя работа, что она дает возможность располагать большей частью моего времени более или менее свободно и самостоятельно. К сожалению только у нас совсем нет света. Некоторые из заключенных имеют возможность доставать керосин, — они зажигают коптилочки у своих постелей. Барак наш очень темный, и в 5-м часу у нас уже нельзя ничего делать, и даже, пожалуй, раньше. Так почти

две трети дня приходится проводить без света, и почти без дела, по большей части в лежащем положении. Но и это еще не большая беда. Но крайне угнетает окружающая грубость и цинизм. В Соловецких лагерях в 27 году этого как-то не было заметно. В лагерях ББК в 37 г. похабщины было больше, но это была похабщина более или менее поверхностная, сквернословили не вдумываясь в то, что говорили. Здесь какое-то смакование похабщины. Это не только сорвавшееся или по привычке сказанное словцо, но сквернословие сознательное — осмысленные похабные речи. С ужасом наблюдаю, как с 27 г. падают нравы... и что особенно грустно, что всем этим щеголяют не шпана какая-нибудь, а те, кто считает себя «людьми» — люди, занимавшие некоторое положение, вершившие большие дела, увенчанные почетными именами инвалидов Отечественной войны... Грустно, больно, тяжело...»

Когда не стало сомнения в том, что законного Патриаршего Местоблюстителя м. Петра нет в живых и когда патриаршество м. Сергия было признано восточными патриархами, то, собственно говоря, не было уже канонических законных препятствий к молитвенному с ним общению. Но — то ли точные сведения в лагерь доходили не так быстро, то ли трудно было победить внутренний протест против прежнего его узурпаторства, сопряженного с рядом действий смутивших чуткую церковную совесть, но как бы по инерции владыка Афанасий не сразу стал его почитать. Наконец он подумал, что собственно говоря надо почитать патриарха Сергия, и однажды сделал это за богослужением, но, как оказалось, патриарх Сергей как раз перед этим скончался. Патриархом он был всего около года, тогда как управлял Русской Церковью более 17 лет.

В 1945 г. произошли выборы нового патриарха Алексия. Теперь у вл. Афанасия уже не было сомнений. Впоследствии он разъяснил одной смущавшейся душе: «помимо первоиерарха Русской Церкви никто из нас — ни миряне, ни священники, ни епископы не может быть в общении со Вселенской Церковью. Не признающие своего первоиерарха остаются вне Церкви, от чего да избавит нас Господь». Единственный случай, когда в согласии с церковными канонами надо прервать общение даже с патриархом, не дожидаясь суда церковного — это впадение его в явную ересь, но «никакой ереси, отцами осужденной, патриарх Алек-

сей не исповедует, никакой законной высшей иерархической властью патриарх Алексей не осужден».

Вот на этом основании, когда в 1945 г., будучи в заключении, вл. Афанасий и бывшие с ним иереи, ранее не поминавшие м. Сергия, узнали из газет об избрании и наставлении патриарха Алексия, признанного восточными патриархами и всеми русскими архиереями, то, обсудив создавшееся положение, согласно решили, что «...должно возносить на молитве имя патриарха Алексия как патриарха н а ш е г о.» Это владыка Афанасий и совершал с того дня неопустительно до конца жизни.

Вскоре по вступлении на патриаршество святейшего Алексия, в феврале или марте 1945 г. вл. Афанасий обратился к нему (через Владимирского архиепископа Онисима) с письмом, в котором просил — не найдет ли святейший возможным возбудить ходатайство перед соответствующими правительственными органами о замене вл. Афанасию заключения в лагерях заключением в одной из московских тюрем с предоставлением возможности работать там с богослужебными книгами под руководством и наблюдением патриарха. Ответа на свое прошение владыка не получил.

30 августа 1946 г. владыка в лагере был вновь арестован и проследовал через Мариинский пересыльный пункт и московские тюрьмы в Темниковские лагеря.

В последних владыка опять занимался плетением лаптей, а затем не смог больше выполнять и эту работу. Срок его заключения по приговору кончился 9-го ноября 1951 года.

Когда в мае-июне 1951 г., незадолго до окончания срока, вл. Афанасию было предложено указать близких, которые могут взять его на иждивение как инвалида, то, указав таких лиц, владыка еще выразил уверенность, что патриарх Всероссийский может дать ему кабинетную работу по специальности и принять его на свое иждивение — на покой в один из подчиненных ему монастырей. В связи с этой уверенностью и по совету лагерной администрации владыка Афанасий вновь написал письмо Святейшему с просьбой принять его на покой в число братии Троице-Сергиевской лавры (где он был пострижен и иноком которой он всегда себя считал), где он мог бы работать в любимой и более или менее известной ему области богослужения и богослужебных книг под руководством патриарха. Это заявление было отправлено спецчастью лагеря казенным пакетом. Дошло ли оно по адресу, неизвестно, но ответа опять не было.

Несмотря на запрос об опекунах, на указание их владыкой и на их письменное согласие и хлопоты, он по окончании срока не был отпущен на свободу. Его задержали в лагерях более чем на четыре года. Задержки в освобождении бывали и раньше и всегда были особенно тягостны. Всегда он старался победить тоску о свободе преданием себя воле Божией и благодарением по примеру св. Иоанна Златоуста: «Слава Богу за все!» Укреплял себя примерами угодников Божиих. «Помните старческое слово», писал он (9/11-41) — «Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, потерплю и я». А какие на-днях памяти: 21-го Максим Исповедник... и руку и язык урезали за его писания. И я думаю, что то, что задумано мною и что я мечтаю написать, будет не бесполезно для Церкви, и так хочется все это сделать и закончить. Но буди воля Божия. 23-го Климента Анкирского. Четыре седмицы лет — 28 лет с некоторыми перерывами страдал он в тюрьмах, ссылках, и в изгнании и скончался, был избит во время совершения литургии, так что кровь его смешалась с Кровью Владыки. 26-го святое семейство (Кс. и М.), уязвляемые невыносимо тяжелыми мучениями — разлученно друг от друга претерпеша. Сегодня великого Златоуста, которому и больному не давали ни отдыха, ни покоя, который и жизнь свою скончал в чрезвычайно тяжелых условиях тогдашнего этапа, и который и в этих условиях говорил: «Слава Богу за все!» Этими и подобными примерами и укрепимся на предлежащий нам подвиг». В последние годы заключения в письмах владыки еще более благодушия и примиренности. В них также не упоминается ни о каких работах, так как он стал полным инвалидом.

«В моем положении нет перемен. Сиж у моря и жду погоды. Отношусь к этому спокойно, твердо зная, что не от земных правителей зависит наша судьба, а от Того, Кто держит в своих руках и судьбы правителей. Утешаюсь словами псалмопевца: «возведох очи мои в горы, отонудуже придет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворшего небо и землю...» Скорблю, что по моему характеру не могу спокойно относиться к мелким несправедливостям и хамству, с чем приходится иногда сталкиваться и чем я раздражаюсь... Что поделаешь? Таков всегда был и не умел молчать в таких случаях... Помолитесь, чтобы Господь укрепил в терпении» (25/IV-54). «О себе скажу, что пока в моем положении нет изменений. По милости Божией я здоров, хотя конечно, здоровье стариковское. Жду направления в инвалидный дом, так как меня некому взять на иждивение, ибо личной семьи у меня

нет, а близкие родственники живут в Москве и сами пенсионеры. С Божьей помощью духом я бодр, и, как всегда, не унываю. На все воля Господня. Слава Богу за все... Эти слова произнесены Святым Златоустом тогда, когда он был в несравненно худшем положении. Впрочем его письма из ссылки доходили беспрепятственно и исправно, и это при тогдашних, начала 5-го века путях сообщения» (52 г.).

Невозможность часто обмениваться письмами с близкими по душе, задержки писем в пути, их пропажа — также угнетали владыку. «Сердечно благодарю за письмо. Может быть, Бог даст, и настанет время, когда буду иметь возможность отвечать на каждое письмо. А пока потерпим, Господа ради, и это лишение.» (25/IV-54 г.).

В это время владыке кажется, что такое положение не может долго продолжаться. Он ждет переезда во вновь устраиваемый Zubovo-Полянский инвалидный дом для бывших заключенных, надеясь там на большую свободу; старается не иметь лишних вещей, которые будут ему обременительными во время переезда; отказывается от свидания с м. Маргаритой (монахиней, которая все время заботилась о нем, организовывала посылки, навещала в лагерях) в ожидании более свободного свидания.

19-го мая 54 г. он, наконец, пишет с радостью о совершившемся переезде, сообщает друзьям новый адрес.

Но владыку ждало разочарование. На первых порах не получилось и той относительной свободы, на какую он надеялся, — без разрешения нельзя было выйти за пределы инвалидного дома; письма по-прежнему шли «лениво». Не избавился он и от придинок и хамства, на которые жаловался в Дубравлагере. Заведующий инвалидным домом с самого начала отнесся к нему недоброжелательно. Когда к владыке приехала матушка Маргарита, то свидание было ограничено коротким сроком и пределами инвалидного дома. В последующих письмах к матушке владыка не перестает вспоминать об этом. «Скорбно было обставлено наше последнее свидание. Но вместе сколько утешения и радости принесло оно. (4) Я был умилен той поспешностью, с какою Вы, утружденная годами и болезнями старица подвиглись в нелегкий путь (13/VI-54). «Все грущу, что так мало пришлось нам пови-

(4) В этом письме особенно чувствуется, что владыка, забывая о своём огорчении, прежде всего думает о том, чтобы утешить м. М., а в последующих письмах видно, как самому ему было тяжело.

даться. Бог да будет Судьей злему человеку, который находит удовольствие, чтобы причинять зло другим. Будем надеяться, что Господь еще утешит» (17/VI) ...«Как о многом надо было спросить при свидании, но так мимолетно оно было» (23/VI).

В инвалидном доме владыка первое время жил в коптерке (склад личных вещей инвалидов и продовольствия). Это его устраивало, так как там удобно было варить себе обед (в столовую не ходил, избегая мясного), а, главное, там он мог иногда оставаться один и молиться. Недаром преп. Антонию было сказано: «бегай людей и спасешься». Я очень люблю быть в одиночестве. Я благодарю Бога, что имею возможность уединиться, оставаться хотя бы временами в полном одиночестве» (11/VII-54). Но уже 15 сентября он пишет: «Люди в футлярах все пугаются... как бы чего не вышло?... и отрешили от коптерки...» Пришлось перейти в барак, жить в маленькой комнате впятером. Впрочем сожители были спокойные, в помещении тепло. Имелось даже электрическое освещение, которое, правда, не всегда действовало. Обед готовил на двоих собрат иерей, сосед по комнате.

Несмотря на стесненные обстоятельства владыка имел у себя некоторые книги — псалтирь, Библию; пытался даже заниматься литературной работой — составлял избранные псалмы и величания на праздники и памяти русских святых, начал через своих близких хлопотать о переписке своих сохранившихся рукописей. (5)

Здесь навещил владыку один из его прежних «заботников» (выражение владыки) Егор Егорыч Седов (из Тутаева, церковный староста), начавший хлопотать, чтобы владыку отпустили к нему на иждивение. 3-го августа 54 г. владыка подал об этом заявление, но не надеялся на скорое решение вопроса. «Свобода на волах, а то и на черепахе едет!.. Но буди воля Господня на все». (4/I-55, св. мн. Анастасии).

В начале 55 г. режим в инвалидном доме стал слабее, вахту сняли и можно было уходить куда угодно хоть на целый день, но

(5) Библиотеку владыки и его рукописи, оставшиеся во Владимире, долгое время сохраняли, и супруге о. Иосифа не раз приходилось перевозить их с места на место. В одно из свиданий с матушкой Маргаритой в Москве владыка спросил ее о сохранности и местонахождении своих книг. Матушка откровенно ответила, свидание было через решетку, при конвоире. Вскоре в указанном м. М. месте во Владимире был сделан обыск и все книги владыки были конфискованы и уничтожены. Для владыки это было большое горе.

владыка почти не пользовался этой свободой, потому что едва ходил.

Разрешение на переезд в Тутаев получилось в марте. «С моим опекуном мы благополучно доехали до места, — пишет владыка 6/IV-55 — Плацкартное место дало мне возможность выспаться. Из Ярославля прямо с вокзала на автомашине доехали почти до дома. Здесь меня встретили просто, сердечно, с искренним радушием. Спаси Господи моих хозяев. Мне отделили часть просторной передней комнаты. Пока закрывает меня занавес. Летом предполагается устроить досчатую перегородку. Георгий Георгиевич уже съездил за моими вещами. Теперь у меня полный круг богослужебных книг. Я не могу налюбоваться на них. Поэтому и с перепиской задолжал».

Владыка обращается с письмом к патриарху Алексию, желая рассеять впечатление, что он будто бы «не признает» Святейшего и выражает свое сыновнее отношение к «патриарху нашему». Патриарх вежливо отвечает, что не сомневался в отношении вл. Афанасия и приглашает на богомолье в лавру. Владыка вынужден отказаться, так как еще не имеет паспорта, да и находится в полном физическом изнеможении. Он старается разобрать привезенные Г. Г. свои книги, но и на это почти не хватает сил.

А меж тем, хотя в выданной ему из Дубравлагеря справке от 9/III-55 г. значится, что он не имеет поражений в правах, в Тутаеве его обязывают подпиской о невыезде за пределы района и двухкратной в месяц явкой в милицию на регистрацию. Дорога в милицию идет по крутым берегам Волги и оврагам, и каждый раз после хождения на регистрацию владыка в течение двух суток лежит в полном изнеможении. Через некоторое время добились разрешения ходить в милицию с документами владыки его опекуну.

Вскоре по приезде навещает владыку м. Маргарита. Приезжает из Устосысльска поселившийся там добровольно прежний владыкин келейник о. Дамаскин (через несколько дней последний скоропостижно умер в Рыбинске 18/VI-55 г., где навещал своих духовных детей).

Владыка продолжает заботиться об исправлении и переписке своих прежних работ. «Много у меня замыслов. Хотелось бы многое написать и переписать, но слишком удалены от меня мои помощники в моем деле, нет около меня ни одного культурного человека, с которым можно бы поделиться моими мыслями и который понял бы их. Мой опекун хороший человек, все время

читает церковные книги, но интересы у нас разные.. Если бы Бог привел меня к м. Маргарите (т. е. в Петушки), я скорее нашел бы на месте переписчика, там больше было бы возможности и моим друзьям навестить меня (Владимирцам и Москвичам). Буди воля Господня. Помолитесь об этом и Вы» (12/IX-55 г.).

О переезде в Петушки Владыка подал заявление прокурору, но не надеялся на скорый результат и уже хотел переехать в Тутаеве на найденную м. Маргаритой квартиру, более удобную (6). Но 20/X-55 г. он уже пишет о. Иосифу: «Сейчас гостит у меня мать Варвара (7). Она приехала для того, чтобы перевезти на другую, найденную мной и м. Маргаритой квартиру. Вдруг получаем телеграмму из Петушков: «Подождите переезжать, выезжаю». Вчера м. М. приехала. Оказывается она и в Петушках, и во Владимире и в Тутаеве, не заходя к нам, а прямо с парохода облазила все начальство и выяснила, что я могу беспрепятственно переехать на другое место. Сейчас с Г. Г. ходили в милицию для окончательного оформления. Матушка вернулась, а Г. Г. остался до 4-х часов, чтобы выписать из домовой книги. Матушка послала условную телеграмму в Петушки, и в субботу приедет оттуда на легковой машине Филофеев Алексей. Не знаем мы, что принесет нам грядущий день. Все в руках Божиих. Буди его святая воля. Но, человечески глаголя, думаю, хуже не будет. Помолитесь, чтобы Господь благословил мой переезд и поселение в родных краях».

В Петушках владыка тоже не имел полного покоя. Он поселился в доме вдовы местного священника, близ храма, довольно просторном, но ему сдали только узенькую каморку, отделенную от деревенского «зала» неполной перегородкой. Конечно, для изможденного и измученного старца это было не очень покойно и удобно. Через некоторое время м. Маргарита сговорила с хозяевами того участка, где сама жила в бывшей баньке, чтобы они разрешили друзьям владыки построить на их участке для него отдельный домик. Хозяева поставили условие, чтобы дом был на имя их дочери. Дом поставили и владыка некоторое время жил в нем, но хозяева оказались недобросовестными и в конце концов разными неприятностями, придирками, сплетнями добились

(6) Семья опекуна стала несколько тяготиться тем, что владыку навещали гости и тем, что он поздно ложился, работая над книгами или вычитывая богослужение. Это его стесняло.

(7) Жительница Загорска, монахиня из духовных детей о. Владимира Богданова, преданная владыке.

того, что владыке пришлось искать себе новое пристанище. Первое время после него там жила матушка Маргарита, но в конце концов домик достался хозяевам участка.

Владыке нашли квартиру в доме, где он прожил до конца жизни. Сначала и тут встретились затруднения от капризной хозяйки, предъявлявшей стеснительные требования. Друзья владыки решили купить и этот дом. После этого, наконец, внешняя жизнь владыки наладилась с некоторым даже комфортом, но уже не надолго...

Здесь у него была возможность работать над своими книгами и справлять келейное богослужение по уставу, заниматься приведением в порядок своих прежних литературных трудов... Здесь он мог беспрепятственно принимать друзей.

Где бы ни жил владыка Афанасий, он старался в соответствии с возможностями справлять ежедневное богослужение — по книгам и в облачении, когда они имелись, — например, во Владимирской тюрьме в 1922 г., куда принимались передачи любые, в любом числе и объеме, в Таганской московской тюрьме, на Поповом острове, на вольных ссылках — в Зырянском крае, в Туруханском, в период «Горушек», в Ишиме, в инвалидном доме, — или — по памяти — в лагерях и тюрьмах. Из Сиблага в 1945 г. (3/1-45 г.) он, например, пишет: «Часть ночного времени занимаемся совершением ежедневного богослужения, хотя и в очень сокращенном виде. Умиляясь на ложе, я с соседом о. Петром (8) стараемся справить весь круг служб и поминаем всех любящих и благодееющих. Это очень скрашивает нашу жизнь здесь». В том же лагере одновременно с владыкой был лаврский иеромонах о. Иеракс (они даже приехали с одним этапом). Первое время они были вместе ночными сторожами при каком-то складе. У о. Иеракса была с собою походная церковь, каким-то образом пронесенная в лагерь. Ее прятали они в складе и там же иногда служили литургию. Но в одну из ночей, когда они не были дежурными, склад сгорел, в пожаре погибло и их сокровище. Один из знакомых владыки священников рассказывал, как он был привезен в лагерь, прошел санпропускник, и вооруженный стре-

(8) о. Петр Шишков. Был впоследствии священником в г. Боровске, где и скончался.

лок повел его в камеру (барак?). На душе было тревожно. Какие-то будут соседи? Что ждет? Дверь открылась. Послышался стук костяшек «козла», мат, блатной жаргон. В воздухе стоял сплошной синий табачный дым. Стрелок подтолкнул новичка, указав на какое-то место на нарах. Дверь захлопнулась. Оглушенный батюшка стоял у порога. Кто-то сказал ему: «Вон туда проходи!» Пойдя по указанному направлению, он остановился при неожиданном зрелище. На нижних нарах, подвернув ноги калачиком, сидел вл. Афанасий. Подняв глаза и увидев старого знакомого, владыка нисколько не удивился, не поздоровался, а просто сказал: «читай! глас такой-то, тропарь такой-то!» — «Да разве здесь можно?» — «Можно, можно! читай». И вновь пришедший стал помогать владыке продолжать начатую службу, и вместе с тем с него соскочила вся тревога, все тяжелое, только что стеснявшее душу.

Находясь в заключении, владыка в великие праздники и в дни памяти владимирских святых молился ночами, мысленно обходил с молитвой храмы и дома всех близких с праздничным приветствием, мысленно посещал родные могилы, вспоминая дорогое прошлое. Конечно, душа его не вполне удовлетворялась совершением служб по памяти или по неполному тексту, она утреневала к Дому Божию, к общественному богослужению. В письме к матушке Маргарите от 23-го июня 1954 г. он пишет: «Знаю, что наконец-то началось богослужение в нашем древнем Соборе. Теперь могут православные Владимира лобызать наши святыни. В этом завидую вам... Приведет ли когда Господь побывать в нашем соборном храме? Многократно повторяю, читая 50-й псалом: аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо... А в жертву надо отдать не то, что малоценно, а что особенно дорого. Моей отрадой было богослужение, служение у родной святыни и и м е н н о э т о в ж е р т в у Г о с п о д ь и з б р а л. Тяжела бывает для нас грешных рука Господня, — но... буди на все Его святая воля. Да не дерзнем возроптать на Него. Он ведает то, чего не знаем мы. Он и вздохи и слезы наши примет, как жертву угодную Ему». Эта мысль о жертве, избранной от него Богом, не раз встречается в письмах владыки (О. А. 24/1-57).

По Своей милости к верному Своему рабу, на конце жизни владыки Господь снял с него этот долгие годы несомый крест. Посещал владыка Успенский храм в Петушках, несколько раз служил со Святейшим Патриархом в Троицко-Сергиевской Лавре, служил однажды и во Владимирском Успенском Соборе вместе

с архиеп. Онисимом и митрополитом Пименом (во время Владимирских юбилейных торжеств 1918 года). Но физических сил для общественного богослужения у него уже не хватало, и в последние годы пришлось удовлетвориться келейным его совершением. Зато оно совершалось со всей уставной точностью и полнотой и притом неукоснительно, хотя владыке по нездоровью приходилось временами не только сидеть, но и лежать.

Второе, никогда не покидавшее владыку стремление было желание заниматься на пользу Св. Церкви, и особенно Церкви Русской, церковно-литургической работой. Едва лишь условия его жизни становились хоть сколько-нибудь сносными и свободными, он стремился к этому: еще в Зырянской ссылке и в Туруханском крае он принимался за свои работы. Из лагеря он писал: «не так заботит оставаться в тяжелых лагерных условиях еще на один год, — хотя и это очень тяжело, как скорее хотелось бы увидеться с друзьями, вкусить от Хлеба, испить от Чаши... и заняться задуманной и начатой, не пять лет тому назад (в «Горюшках») прерванной работой» (25/II-41). «И я думаю, что то, что задумано мною и что я мечтаю написать, будет бесполезно для Церкви, и так хочется мне все это сделать и закончить» (9/II-41). В письме из Ишима: «Так грустно одиночество... Среди людей, а одинок. И книжек любимых нет. Вот кончился май, на июнь нет ничего, кончается и Троица... Так хотелось бы продолжать работу с м о и м и к н и г а м и но это невозможно... Кое-что в качестве материала собираю и сейчас, но все это очень незначительно, а время идет... Так хотелось бы «О поминовении усопших» закончить, но теперь без Вас сохранится ли и то, что сохранилось!... И когда-то я сам слогу все это получить в свои руки и убедиться сам — сохранилось ли и что именно сохранилось и сохранилось ли что-либо? — Ведь в работе по собранным материалам я только и вижу смысл дальнейшей моей жизни. — Моя доля быть на покое и заняться книгами... И грустно, что пока их нет при мне и приходится брать за другое» (13/V-43).

Когда в 1955 г. владыка очутился на свободе в Тутаеве и получил остатки своей библиотеки, он пишет: «Не могу налюбоваться на мои книжки. То за одну берусь, то за другую, то хватаюсь за записочки».

В конце 1955 г., уже в Петушках, владыка получил от Патриарха предложение принять участие в подготовке календаря на 1957 г. и богослужебных указаний, ревностно принялся за дело. Но не хватало сил для спешного окончания работы в срок, да и не

все советы и указания владыки принимались, и ему не хотелось подписываться не под своим делом (письмо 3/V-56 г.). Не спрашивая вл. Афанасия митрополит Николай Крутицкий утвердил его редактором богослужебных указаний, но владыка отказался (18/VI-56 г.). Однако по распоряжению Святейшего он был назначен председателем вновь организованной богослужебной комиссии (28/IX-56 г.). Несмотря на упадок сил владыка был рад этому назначению, надеясь послужить своей Матери — родной Русской Православной Церкви (7/IV-57). Но он постоянно огорчался практическим нарушением Устава даже в лавре Сергиевой, и тогда начинал сомневаться в необходимости своего участия в исправлении Богослужебных Указаний.

И работа святителя в комиссии продолжалась недолго. Казалось бы как хорошо, по мысли Святейшего, воспользоваться для блага Церкви знаниями такого ревностного любителя и знатока церковного порядка, как владыка Афанасий. Но он был неискушен в «московской политике». Его прямолинейность, его стремление все привести в согласие с требованиями Устава встретили отпор в церковных «временщиках», привыкших во всем следовать своим вкусам и привычкам. В 1954 г. был переиздан славянский Типикон и было выдвинуто мнение, что теперь нет нужды в богослужебных указаниях. Этим воспользовались, и Богослужебная Комиссия была упразднена, более ради того, чтобы отделаться от ее «беспокойного» Председателя.

Владыка был этим чрезвычайно огорчен, — не за себя, конечно, — а потому что ревновал об упорядочении богослужения и надеялся в этом отношении на работу своей комиссии. (Он даже хотел завещать этой комиссии свою, отчасти заново собранную, библиотеку). Он даже обвинил себя в неумении ладить, делать тактические уступки. Но сил у него уже явно не хватало, в особенности на сопряженные с заседаниями комиссии поездками и волнениями. Нет сомнения, что эти волнения, а в особенности огорчение об упразднении Богослужебной комиссии еще более подорвали его здоровье.

Он писал, что дома за письменным столом он забывает о недостатке сил. Тут он и продолжал трудиться. Закончил и исправил труд о поминовении усопших; собирал, переписывал и исправлял службы русским святым, особенно те, что не вошли не только в основную, но и в дополнительную Минею. Намеревался составить новую Общую Минею, находя, что помещенные в су-

ществующей службы непригодны зачастую для отправления богослужения ряду святых, в особенности Русских. Например служба мученице обращена к мученице **деве**, тогда как мученицами бывали и **жены**, к тому же страдавшие не от язычников, а от злых людей за свое целомудрие и чистоту. Не было также в старой общей Минее службы благоверным князьям, да и условия жизни русских преподобных были во многом отличны от тех, в каких жили древние отцы Палестины и Египта. Неудачными находил владыка и некоторые службы, составленные Пахомием Логофетом. Последний почти буквально списывал их с более или менее подходящих служб греческих, от чего в них иногда получались нелепости и анахронизмы. Начал Владыка составление Русской Минеи — на сентябрь и октябрь. Исправлял текст богослужебных книг — октоиха, минеи — в сторону большей его доступности современному человеку, руссификации языка, что считал задачей первой необходимости. Очень сожалел о том, что пропала его работа «О поклонах», которую он писал в «Горушках», причем консультировался тогда с единоверцами. Восстановить ее у него уже не хватало сил.

Так и протекала жизнь владыки в Петушках. Ежедневное выполнение всех служб, а в промежутках — работа над богослужебными книгами.

Святейший Патриарх обеспечил владыку пенсией в 1000 р. в месяц. Преданные духовные дети заботились о нем, служили ему. При его скромных потребностях не только хватало ему пенсии, но он еще старался помочь, кому мог. Все работы, которые он кому-либо поручал по переписке его рукописей, по фотографированию икон (особенно любимой его иконы Русских Святых), по написанию новых икон — он старался оплачивать все до последней копейки, за неразборчивые рукописи старался платить вдвое.

Здесь имели возможность навещать владыку его прежние духовные дети и друзья, а иногда и новые люди, которые хотели просить его авторитетного совета. Авторитет его был велик, хотя он и не находился на кафедре. Он сохранил дружеские связи с архиепископом Винницким Симоном, своим сокурсником по Академии; с епископом Можайским Стефаном (Никитиным), одно время управляющим делами Московской епархии, которого он знал еще светским человеком, врачом, и который любил его как отца; с митрополитом Нестором; с владыкой Новгородским Сергием (Голубцовым) и другими. Многие лаврские монахи почитали его, некоторые и ездили к нему, в том числе и наместник Троицкой

Лавры архимандрит Пимен (ныне епископ Саратовский). Многие священники и миряне навещали его, советовались с ним.

Ко всем, не взирая на лица, владыка был радушен, приветлив. Всех старался скорее упокоить и накормить, чем Бог послал. При этом он любил, чтобы все было не как-нибудь, чтобы стол был накрыт по всем правилам. Пища, конечно, предлагалась в соответствии с уставом. Некоторых людей, особенно нуждавшихся в покое и отдыхе, владыка удерживал у себя на несколько дней. С близкими любил беззлобно, почти по детски пошутить. Если кто не бывал давно, встретит словами: «Кто это приехал? Не узнаю? Нина Сергеевна (имя духовной дочери, которая последнее время о нем заботилась, неся не малый труд, так как ей приходилось обслуживать и всех посетителей и помогать владыке в вычитывании служб и в литературной работе), кто это приехал? Какие-то незнакомые». Или нахмурит брови, а глаза и губы улыбаются: «Вы что улыбаетесь? Архиерей на вас сердится, а вы не боитесь!» Любил рассказывать о тех больших людях, которых встречал в своих ссылках, особенно о митрополите Кирилле, своим большим друге. О самом себе почти никогда ничего не рассказывал, разве о детстве или о молодости, о тех временах, когда жил с мамой. Глядя на него и не подумаешь, что он столько перестрадал. Так он был добр, ласков, покоен. Скорбел только, когда дело шло об искажениях богослужения, какие допускаются современным духовенством, а особенно — о каких-либо трудных для Церкви событиях. Последнее, если можно так сказать, ускорило его смерть.

Трудно передать обаяние его личности. Для окружающих он был сама любовь. Перед Богом же он особенно любил и ценил свое монашество и говорил, что, если бы в Церкви могло быть не 7, а 8 таинств, то он хотел бы, чтобы восьмым было монашество. Любимыми его словами в последние годы был 94 стих 118 псалма: «Твой есмь аз, спаси мя!»

Об этом он не раз говорил и писал своим близким. «Я сейчас больше чем прежде, вижу и сознаю свою греховность, но вместе с тем с большим чем прежде дерзновением читаю слова 16-го псалма: «Услыши, Боже, правду мою!», ту единственную правду мою, что при всей моей греховности я с Божией помощью иного Бога не знаю, кроме Единого, и к Нему всегда обращаюсь: Твой есмь аз. Я Твой, Твой — спаси мя». «Множество содеянных мною лютых помышляя трепещу... но надеясь на милость благосердия Твоего»... (4/VI-54 г.). «Может быть, действительно ко мне

в некоторой степени относится то, что сказано об изгнанных, но не на это я уповаю, не этим успокаиваю себя. Я уповаю только на одно мое исповедание: Я Твой, я Твой...» А изгнание, о чем вы говорите — это милость Божия ко мне за мое исповедание, милость Божия в том, что в моем изгнании я удален от многих соблазнов и затруднительных обстоятельств... И я, грешный иногда осуждаю других, остающихся не в изгнании. Но может ли кто поручиться за меня, могу ли поручиться сам за себя, — как бы поступил я не будучи в изгнании?..» (23/VII-54 г.).

Эти же слова «Твой есмь аз, спаси мя!» были многократно повторены над гробом владыки в чине монашеского отпевания.

Нельзя не считать чудом милости Божией, что архипастырь, никогда не шедший на компромиссы и так долго и тяжело страдавший за свою верность Богу и Церкви в течение более 30 лет, последние свои годы провел «у милого предела», к которому во все время его нелегких странствий стремилась его душа; свиделся с близкими сердцу, побывал на могилке горячо любимой матери и, мирно и свято опочив, сам лег в ту же могилу.

До конца владыка Афанасий не переставал жить жизнью Св. Церкви, глубоко переживал все ее скорби. Об этом много в его письмах к близким. Незадолго до предсмертной болезни владыка был до слез взволнован известием о том, что одному епископу без церковной вины отстраненному от епархии, удалось добиться возвращения на церковное служение путем прямого и смелого обращения к властям с жалобой на злоупотребления и произвол закрытия храмов. Владыке Афанасию подумалось, что может быть и он напрасно уклонился от назначения на какую-либо кафедру, что и он мог бы еще постоять за Церковь Христову, несмотря на преклонный возраст и изнеможенье. Скорбел он и о малодушном молчании остальных архиереев «Где же они? Почему молчат?» Можно сказать, что это волнение оказало роковое влияние на его здоровье и «человечески глаголя», было последней каплей, переполнившей чашу скорбей, и толчком, ускорившим его кончину. Но «веруем, яко вся промыслом Божиим бывают» (9) и Господь посылает серп свой на созревшую пшеницу.

(9) Акафист мч. Трифону, икос. 8-й.

Обстоятельства кончины владыки трогательно и тщательно описаны духовной дочерью, преданно заботившейся о нем до последнего вздоха. Из этого описания можно заключить, что владыка ожидал своей близкой кончины и в последние месяцы не раз говорил: «Мне исполнилось 75 лет. Пора помирать». Прикровенно он намекал и на день и час своей кончины («воскресенье, 8 часов»).

Последнюю неделю владыке нездоровилось и он почти все время лежал, но неизменно вычитывал все службы дня. А в день памяти свв. мчч. Сергия и Вакха — день именин первого ангела владыки и присночтимого им преп. Сергия — владыка встал с постели. Службу читал он с большим подъемом, а на стихирах плакал. По окончании службы сказал своей помощнице: «Смотри, ведь Сергию и Вакху в пятки гвозди вбивали, а они стойко шли за Христом. Где же мы теперь? Почему мы не умеем так стоять за Церковь Христову?»

Он переборол слезы и начал молебен преподобному Сергию и святым мученикам Сергию и Вакху, но на половине молебна язык перестал ему повиноваться. Владыка принужден был сделать отпуск и лечь!

Но вслед за тем владыка стал озираться вокруг себя и пригласил свою помощницу петь с ним: «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу, спаси нас, Сыне Божий, во святых Дивен сын, поющие Ти: аллилуя». — до трех раз, а затем тропарь и кондак Русским святым.

Потом он стал спрашивать: «Скажи, где я?» — до трех раз, а сам смотрел вокруг и улыбался.

Спустя некоторое время он изменил вопрос и несколько раз спросил: «А где я был?»

Не явился ли ему сонм святых Русской Церкви, за которую он страдал всю жизнь? Не пришли ли за ним те, о прославлении которых он столько потрудился?

Через несколько часов приехали вызванные телеграммой врачи и друзья из Москвы, затем из Троицкой лавры, Новгорода. Владыка всех узнавал, но не мог назвать по имени и не воспринимал имена (только имя св. Александра Невского, произнесенное при нем, повторил и узнал). Но он мог правильно читать молитвы, своевременно делать возгласы, исправлял ошибки в чтении других; помнил постные дни и т. д. Спросил: «А почему у нас так много гостей?»

Его соборовал и причастил о. Иосиф, который вскоре должен был уехать, (потому что архиерей Новгородский не позволил ему остаться надолго). Со слезами и сердечной тугою простились верные друзья на вечную разлуку.

В четверг 18-го октября исполнилось 50 лет монашества владыки. Все присутствовавшие поздравили его. Он был как-то особенно благостным, благословлял каждого и всех вместе архиерейски на три стороны, как будто это было его последнее благословение всем близким — даже и отсутствующим.

После этого владыка захотел отдохнуть и велел кормить всех приезжих. Но через несколько минут у него сделался новый удар, появилось хриплое дыхание и хотя были приняты все медицинские меры для облегчения его состояния, он уже не мог ни глотать ни говорить. На другой день, вечером в пятницу, он все же внятно сказал: «Молитва всех вас спасет», а затем написал на одеяле пальцем: «Спаси Господи». Когда же его просили написать еще что-нибудь, он большими буквами начертал «В С Е» и поставил точку.

Больше он уже ничего не говорил и через полтора суток, в воскресенье в 8 ч. 15 м. утра тихо скончался.

Владыка Афанасий еще задолго оставил завещание о своем погребении, которое должно было быть совершено точно по церковному уставу.

Во вторник 17/X был назначен вынос тела владыки из его дома в Петушках. Из Новгорода вернулся о. Иосиф, приехал из Винницы владыка Симон — друг владыки Афанасия и однокашник, о. Кирилл из лавры.

Вот как вспоминала о похоронах владыки одна из присутствующих на них.

«Во вторник утром мы приехали в Петушки немного ранее времени, назначенного для выноса. О. Кирилл служил последнюю панихиду. Дом был полон народа, едва можно было войти.

Владыка лежал еще с открытым лицом, очень спокойным, только митра, от которой чело его немного нахмурилось, придавала ему несколько строгий и слегка скорбный вид. На владыке было холстиновое облачение, когда то сшитое и даже выкрашенное им собственноручно. Гроб покрыт архиерейской мантией, поверх которой лежал клобук. В комнате было жарко, но не ощу-

щалося ни малейшего запаха тления. Руки мягкие. В них евангелие с иконописным Сошествием во ад (в круге), обычно стоявшее у икон, и медное распятие.

После панихиды открытый гроб вынесли на дворик, поставили перед крыльцом на табуретках, сфотографировали гроб с окружающим гроб народом и стоявшими за ним вл. Симоном и о. Иосифом. Потом закрыли лик владыки белым воздухом, наложили крышку (10) и подняли гроб в крытую брезентом машину. Едва машина тронулась о. Иосиф благословил литию, и затем пение зауспокойных песнопений и «Святой Боже» почти не прерывалось. В шестом часу подъехали к Владимирскому Успенскому собору. В нем с раннего утра толпился народ, желавший встретить владыку Афанасия и теперь вышедший навстречу ему вместе с духовенством. На паперти отслужили литию. В храме гроб тесно обступили. В 6 часов началась всенощная св. ап. Луке. Около гроба было трудно стоять, в особенности по окончании всенощной, когда духовенство вышло на панихиду. Всего служило 12 священников, возглавляемых вл. Симоном. Панихиду пели полную без пропусков. Во всем чувствовалось общее уважение и любовь к усопшему. После панихиды все старались проститься с владыкой. И много было в храме народа, в том древнем соборе, где почивают мощи святых владык и князей, в соборе, видевшем нашествие татар, при Екатерине хуже чем разбойниками изуродованном пышным иконостасом, заменившим дивное творение Рублева, в наше время некоторое время антирелигиозным музеем... Но у гроба владыки отступали мысли об этом. Он был здесь так на месте как «един от древних», сродный всему тому — хорошему, что чувствовалось в окружавших его и преданных ему владимирцах, в соборных святынях, в совершаемом над ним уставном богослужении...

Утром в храме перед обедней было просторно. Сменялись священники, читавшие над владыкой Евангелие и так хорошо было слушать это мерное чтение, вливавшееся в душу.

В 8 часов начались часы. Служил опять владыка Симон. К отпеванию пришел правящий архиерей (архиеп. Онисим). Перед началом отпевания он сказал слово. Говорил о неожиданности

(10) Между прочим гроб был обтянут темно-зеленой материей в память того, что покойный не признавал в церкви черного цвета и говорил: что и наши древние иноки носили не черное, но «смирных», т. е. неярких цветов.

смерти владыки Афанасия, еще, казалось, такого бодрого, о его трудах по составлению служб русским святым, начавшихся еще со времени его участия в Соборе 1917 г., о его успешной борьбе с обновленческим расколом и о том, как владыка Афанасий своим мудрым и убедительным словом предупреждал отпадение в этот раскол многих из духовенства; говорил о доброте и ласке, которую когда-то почивший оказал его семье и ему самому, тогда еще священнику; об обаянии светлой и чистой души почившего, которая одна может осветить каждому из нас неведомый путь загробный.

Всему народу, как и накануне за панихидой, были розданы свечи. По завещанию владыки отпевание было монашеское. Особенно трогал второй припев на «непорочных» — «Твой есмь аз, спаси мя», и правдою звучал прокимен: — Блажен путь в оньже идещи днешь, брате, яко уготовася тебе место покоя». Священников было еще больше, чем накануне. Перед пением «Со святыми упокой» сказал слово бывший настоятель Успенского собора протоиерей Алексей Громов, бывший ученик владыки во Владимирской семинарии. Слово о. Алексия было полно любви и благодарности почившему и в конце его звучал не только призыв к молитве за владыку, но и надежда на его предстательство.

После отпевания народ вновь пошел прощаться с покойником. Кто-то в народе сказал: «а сколько он пострадал-то!»

Гроб вынесли на паперть. Отслужили еще литию.

Владыка Симон, о. Иосиф, лаврский о. Кирилл с послушником Василием, владимирские о. Андрей и о. Николай проводили владыку до могилы. Здесь спели литию, предали тело земле и опустили в могилу рядом с гробом его матери. Долго еще около могилы толпился народ.

Один из близких друзей владыки сказал, что кончина владыки была кончина праведника и что самые его похороны, совершившиеся без всяких помех, то, что всем было разрешено служить, встречать и провожать с духовенством на кладбище было чудом, свидетельствующим об этой праведности.

Вечная память владыке Афанасию!